
П. П. ТОЛОЧКО

Русско-византийские договоры и время включения их в летопись

Известно, чем сложнее объяснение какого-либо исторического явления, тем меньше оно соответствует действительности. Нечто похожее произошло в отечественной историографии с русско-византийскими договорами, точнее, с определением времени появления их славянских текстов и включения в летопись.

Несмотря на то что летописные сообщения как будто не оставляют сомнений в изначальном составлении договоров на двух языках, такие сомнения были высказаны. Исследователи, судя по всему, учитывали то обстоятельство, что договоры 911, 944 и 971 гг. относятся к предполагаемому дописьменному периоду нашей истории, а поэтому составление их славянских текстов в столь раннее время казалось маловероятным. Лишь немногие считали возможным утверждать, что греческие и славянские тексты практически одновременны.

Одним из первых к такому выводу пришел уже в середине XIX в. выдающийся филолог И. И. Срезневский. Согласно ему, славянские тексты договоров были сделаны с греческих подлинников тогда же в X в.¹ В начале XX в. мысль о русских оригиналах договоров Руси с Византией высказал А. В. Лонгинов.² Позже этот вывод разделил С. П. Обнорский. Обратив внимание на языковые особенности договоров, он предположил, что появление переводных славянских текстов должно было приблизительно совпадать со временем фактического ведения переговоров и заключения соответствующих дипломатических актов.³ Поддержал этот вывод также Д. С. Лихачев, согласившийся с наблюдениями С. П. Обнорского относительно разного присутствия болгаризмов в языке договоров 911 и 944 гг.⁴ По мнению Б. А. Ларина, также разделявшего предположение о практической одновременности оригинальных греческих и переводных славянских текстов, язык переводов был особым деловым русским языком X в., хотя и с заметным влиянием старославянского.⁵

В. М. Истрин считал, что обе хартии, о которых говорит летопись, могли быть греческими, а русский князь, русская дружина и русские послы пользовались одной из них посредством устного перевода.⁶ В наше время такого мнения придерживается Т. В. Рождественская, согласно которой, синхронный перевод

¹ Срезневский И. И., Беляев И. Д. О договорах Олега с греками. 1. Записка И. И. Срезневского. 2. Извлечения из записки И. Д. Беляева // ИОРЯС. СПб., 1852. Т. 1. С. 309—326.

² Лонгинов А. В. Мирные договоры русских с греками, заключенные в X в.: Историко-юридическое исследование. Одесса, 1904. С. 1, 25—36, 77—78.

³ Обнорский С. П. Язык договоров русских с греками // Язык и мышление. М.; Л., 1936. Вып. 6—7. С. 97—103.

⁴ Повесть временных лет / Подгот. текста, перевод, статьи и коммент. Д. С. Лихачева. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996. С. 339—340, 425.

⁵ Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X—середина XIII вв.). М., 1975. С. 31—32.

⁶ Истрин В. М. Договоры русских с греками X века // ИОРЯС: 1924. Л., 1925. Т. 29. С. 387—393.

документа мог быть осуществлен в устной форме.⁷ Отвечая на вопрос о времени письменных переводов, В. М. Истрин не считал возможным разделить мнение об их позднем происхождении. «Я отнес бы их появление, — писал он, — к концу первой половины XI в. и приписал бы их тому же переводческому кружку русских книжников, который образовался вокруг Ярослава».⁸ С этим выводом полностью солидаризовался М. Б. Свердлов.⁹ А. Н. Сахаров последовательно отстаивал вывод, согласно которому договоры изначально составлялись в двух аутентичных экземплярах на греческом и русском языках.¹⁰

Я. Малингуди относит письменные переводы ко времени после 971 г., но до 1116, хотя и полагает, что их греческие списки были сделаны в 988—989 гг. в связи с заключением русско-византийского династического союза.¹¹ По мнению С. М. Каштанова, переводы русско-византийских договоров были сделаны в Киеве только после того, как на Русь был принесен константинопольский копиянный сборник, составленный митрополитом Никифором I, т. е. не ранее 1104 г.¹² Из сказанного следует, что до этого времени на Руси текстов договоров и вовсе не было.

Как видим, что ни исследователь, то новая точка зрения. Причем большинство из них уходит от простых и естественных решений. Ведь если видеть в договорах действительно юридические межгосударственные акты, а не императорские грамоты, тогда их составление непременно должно было быть сотворчеством русских и греческих дипломатов. В договоры вносились те статьи, которые предлагались обеими сторонами, причем не в виде экспромтных предложений, а продуманных заранее и несомненно письменных формулировок. Это со всей очевидностью следует из текста договора 971 г. По существу, перед нами обязательство Руси перед Византией. Они представлены в виде речи Святослава. «Царь же радъ бысть и повелѣ писцю писати вся рѣчи Святославля на харатью. Нача глаголати соль вся рѣчи, и нача писецъ писати».¹³

Здесь скорее может возникнуть вопрос, как появился греческий текст, а не славянский. Посол знал греческий язык и диктовал на нем клятву Святослава, или писец Цимисхия знал славянский язык и синхронно записывал ее на греческий? В любом случае, наличие славянского текста не должно вызывать сомнения. Возможно, поэтому в конце клятвы и говорится лишь об одной хартии: «И написахомъ на хартъи сеи и своими печатями запечатахомъ».¹⁴ В данном случае византийскую сторону интересовал только греческий текст, скрепленный печатями. Как полагает А. Н. Сахаров, в летопись был включен русский оригинал договора или его рабочая копия.¹⁵

Договоры 907 (911) и 944 гг. более объемны и сложны по содержанию. Первый, разнесенный летописцем под 907 и 911 гг., действительно производит впечатление единого цельного документа. Думается только, исследователи несправедливо обвинили летописца в намеренной фальсификации: договор был один и только 911 г., а он сделал из него два, переместив часть текста в статью 907 г. Если признавать поход Олега на Константинополь 907 г. реальностью, тогда

⁷ Рождественская Т. В. К вопросу о лингвистическом изучении договоров Руси с греками X в. // «А се его серебро»: Сборник. Киев, 2002. С. 36.

⁸ Истрин В. М. Договоры русских с греками X века. С. 391.

⁹ Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. СПб., 2003. С. 147.

¹⁰ Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси (IX—первая половина X в.). М., 1980.

¹¹ Малингуди Я. Русско-византийские договоры в X веке с точки зрения дипломатии // ВВ. М., 1995. Т. 56 (81). С. 68; М., 1997. Т. 57 (82). С. 85—87.

¹² Каштанов С. М. К вопросу о происхождении текста русско-византийских договоров X в. в составе Повести временных лет // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1996. С. 42.

¹³ Повесть временных лет. С. 34.

¹⁴ Там же. С. 35.

¹⁵ Сахаров А. Н. 1) Дипломатия Древней Руси... С. 84—180; 2) Дипломатия Святослава. М., 1982. С. 183—203.

невозможно представить, чтобы его победное завершение для Руси не увенчалось соответствующим мирным договором. Он мог быть предварительным, а большой стороны, видимо, обязались заключить позже.¹⁶

В пользу такого предположения свидетельствуют начальные фразы в обеих статьях о посылке русских послов к византийским императорам. 907 г.: «Олегу же, мало отступивъ от града, нача миръ творити со царьма грецкими, со Леономъ и Александромъ».¹⁷ 911 г.: «Посла мужи свои Олегъ построиши мира и положиши рядъ межъ Русью и Греку». А дальше в зачине самого договора записано: «Равно другаго свещания,¹⁸ бывшего при тѣх же царьхъ Льва и Александра».¹⁹ Слова — «при тѣх же царьхъ» — указывают на вторую встречу с ними русских послов.

А. А. Шахматов и Д. С. Лихачев полагали, что эту фразу сочинил Нестор. Его творчество выдает здесь будто бы отсутствие имени третьего императора — Константина Багрянородного, венчанного на царство 9 июня 911 г. Летописец, как думал А. А. Шахматов, согласовывал имена императоров с придуманным им же «первым совещанием» 907 г., где фигурируют имена двух императоров. Думается, это слишком сложное объяснение. Если бы летописец действительно был столь изощренным мистификатором, он несомненно назвал бы в первой фразе договора 911 г. троих императоров. Знал же он, что в 907 г. в Византии правили только два императора.

Видимо, у нас нет достаточных оснований отрицать наличие «первого совещания». Было ли оно в 907 г., как утверждает летописец, или позже, не суть важно. Оно должно было иметь место тогда, когда дружина Олега стояла у стен Константинополя. Естественно предположить, что Олег не ушел на Русь без того, чтобы не удовлетворить своих требований к грекам на правах победителя. «И заповѣда Олег дати воем на 2000 корабль по 12 гривен на ключь, и потом даяти уклады на руския грады: первое на Киевъ, та же на Чернигов, на Переаславль, на Полтѣскъ, на Ростов, на Любеч и на прочаа городь».²⁰ Греки приняли эти условия. Не исключено, что они были зафиксированы в письменном документе.

Близкая ситуация сложилась и во времена Игоря. Потерпев поражение в походе на греков 941 г., он предпринял в 943 г. новый. Корсунцы и болгары предупредили Романа I о надвигающейся опасности, и тот выслал навстречу Игорю послов с просьбой не продолжать поход. За исполнение этой просьбы он пообещал выплатить Руси дань, которую греки давали Олегу, и еще немного больше: «Придамъ и еще к той дани». Игорь, посоветовавшись с дружиной, принял предложение Романа. Получив от греков «злато и паволоки на все вой», русские вернулись в Киев. Можно думать, что и в этом случае стороны условились заключить полный мирный договор позже, что и было осуществлено в 944 г.

Содержание договоров 911 и 944 гг. не оставляет сомнения в том, что их заключению предшествовала длительная работа по согласованию взаимных обязательств сторон. Вероятно, еще до начала переговоров каждая имела свои текстовые предложения, которые затем обсуждались во время посольских встреч. В пользу такого предположения говорят, в частности, ссылки в тексте договора на «закон русский». Сложный состав летописных договоров отмечал в свое время и Б. А. Ларин, полагавший, что они состояли как из переводов статей с греческого языка, так и записей речей русских послов.²¹

¹⁶ М. Б. Свердлов придерживается высказанной в литературе мысли, что соглашение было в устной форме. См.: Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. С. 135.

¹⁷ Повесть временных лет. С. 17.

¹⁸ «Свещание» здесь соответствует соглашению или договору.

¹⁹ Повесть временных лет. С. 18.

²⁰ Там же. С. 17.

²¹ Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка... С. 35—52.

В целом, создается впечатление, что основным автором договора 911 г. была русская сторона, на правах победителя, а договор 944 г. был продиктован Византией. «Ветхий мир» был подтвержден, но в значительно похудевшем виде, к тому же с существенными дополнительными обязательствами Руси.

Трудно сказать, насколько при таком характере составления подобных дипломатических документов корректно говорить о получении славянского текста исключительно в результате перевода с греческого оригинала. Скорее всего, предполагалось изначальное составление договора на двух языках. В этом был интерес обеих сторон. Договоры ведь заключались не для того, чтобы затем лечь в архив княжеской канцелярии или в казну, по выражению М. Д. Приселкова и Д. С. Лихачева. Для этого действительно сгодился бы и греческий текст. Эти документы нужны были для руководства ими в постоянном общении русских с греками. Отправляясь по дипломатическим или торговым делам в Константинополь, русские послы и купцы не только получали княжеские печати и грамоты, но знакомились также и с действующим в данный момент договором между Русью и Византией.

Совершенно не реалистично предполагать, чтобы все знакомство русских с тем или иным договором ограничивалось лишь синхронным устным переводом. Усвоить на слух его многочисленные статьи совершенно невозможно. А каково было тем русичам, которые не слышали этого самого синхронного перевода и прибывали в столицу империи через 10 или 20 лет после заключения договора? Но если даже и предположить такой способ первичного знакомства русских с договорами, тогда необходимо озаботиться ответом на резонный вопрос: почему устный перевод сделать было возможно, а записать его нет?

При ответе на вопрос о времени появления славянских текстов русско-византийских договоров исследователи не обратили должного внимания на то обстоятельство, что, по условиям договора 944 г., личности русских купцов или послов должны были удостоверяться княжескими грамотами. «Ныне же увѣдѣль есть князь вашъ посылати грамоты ко царству нашему».²² Грамоты-удостоверения составлялись от имени киевского князя и являлись официальным документом для имперских властей. Прибывающие без княжеских грамот русичи подвергались предварительному заключению, о чем извещался русский князь: «Аще ли безъ грамоты придуть, и преданы будутъ намъ, да держимъ и хранимъ, донде же възвѣстимъ князю вашему».²³

В летописи не сказано, на каком языке составлялись эти княжеские грамоты. Если учесть, что византийские императоры свои послания русским князьям составляли на греческом языке, можно предположить, что русские князья в свою очередь оформляли грамоты на славянском. Оснований для этого значительно больше, чем для утверждения о том, что в княжеской канцелярии первой половины X в. уже работали чиновники, владевшие греческим языком.

Думается, нет необходимости строить различные догадки о том, когда тексты договоров оказались в Киеве. Конечно, тогда же, когда в столицу Руси возвращалось русское посольство, участвовавшее в переговорах о заключении мира. Об этом достаточно ясно свидетельствует уже текст договора 911 г. «Миръ створихом Ивановым²⁴ написанием на двою харатью, царя вашего и своею рукою». А ниже говорится, что документ был передан «нашим послам».²⁵

²² Повесть временных лет. С. 24.

²³ Там же.

²⁴ Как думал Д. С. Лихачев, здесь, по-видимому, имеется в виду писец Иван, может быть, переводчик. См.: Повесть временных лет. С. 425.

²⁵ Слово «нашим» здесь равнозначно слову «русским». Летопись не говорит, что после заключения договора 911 г. в Киев посылались императорские послы.

Еще более конкретно об этом говорится в договоре 944 г.: «Мы же свещание се написахом на двою харатью, и едина харатья есть у царства нашего. На ней же есть крестъ и имена наша написана, а на другой послы ваша и гостье ваша».²⁶ Уточнение, что «едина харатья есть у царства нашего», совершенно определенно указывает на то, что вторая хартия предназначалась для царства вашего, т. е. для Руси. Обозначена здесь и процедура направления этой хартии к киевскому князю, а также последующий ритуал клятвы верности на ней договору в Киеве: «А отходяче послом царства нашего да допроводять къ великому князю рускому Игореву и к людемъ его; и ти принимающе харатью, на роту идуть хранити истину».²⁷

В летописи определенно сказано, что русские послы вернулись в Киев вместе с послами греческими, которые должны были присутствовать на клятве верности договору-«харатьи» Игоря и его окружения. «Твои сли водили суть царь наши ротъ, и насъ послаша ротъ водить тебе и мужь твоихъ».²⁸

Более трудным представляется вопрос о времени включения текстов договоров в летопись. В источниках на этот счет нет никаких свидетельств. Исследователям приходится отвечать на него, что называется, по методу предпочтения. Практически все они солидарны с выводом А. А. Шахматова, полагавшего, что русско-византийские договоры были внесены в летопись только во время составления Нестором ПВЛ или ее последующих редакций. Аргумент простой и, на первый взгляд, совершенно убедительный. ПВЛ, как считал А. А. Шахматов, предшествовал Новгородский летописный свод 1050 г., а поскольку в нем тексты договоров отсутствуют, следовательно, более позднее их введение в киевскую летопись не вызывает сомнения.

Конечно, если бы этот предполагаемый свод был сугубо новгородским явлением, таким наблюдением можно было бы и пренебречь. Мало ли каких источников не оказалось в руках первых новгородских летописцев. Но в том-то и дело, что, как думали А. А. Шахматов, Б. А. Рыбаков и другие, Новгородский свод 1050 г. базируется на ранней киевской летописи и логично предположить, что, если бы в ней уже были договоры, они непременно были бы и в нем. В дальнейшем многие исследователи определяли объем раннего киевского летописного фонда, полагаясь на своды А. А. Шахматова «Древнейший» (1039 г.) и «Начальный» (1093 г.), будто они являлись не авторской реконструкцией, к тому же не бесспорной, но археографической реальностью.

М. Н. Тихомиров, выразивший сомнение в существовании Новгородского свода 1050 г., мотивировал его тем, что ПВЛ содержит не все новгородские известия XI в., но лишь ничтожное их количество.²⁹ Не был согласен с существованием раннего новгородского летописного свода и Д. С. Лихачев. Согласно ему, источниками новгородских известий в ПВЛ были не письменные, но устные рассказы Вышаты и его сына Яна.³⁰

Б. А. Рыбаков решительно поддержал и развил вывод А. А. Шахматова о существовании раннего новгородского свода, назвав его «Остромировой летописью». Окончательная компоновка этой летописи, согласно ему, производилась в 1054—1060 гг., а ее изложение доведено до смерти Ярослава. Что касается утверждения М. Н. Тихомирова о неполном использовании автором ПВЛ данного свода, то оно, по мнению Б. А. Рыбакова, никак не может быть аргументом против существования свода 1050 г. в Новгороде. Киевский летописец, как счи-

²⁶ Повесть временных лет. С. 26.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1940. Т. 1. С. 55.

³⁰ Лихачев Д. С. «Устные летописи» в составе «Повести временных лет» // Изв. 1945. № 17.

тал Б. А. Рыбаков, мог вполне обдуманно «забыть» некоторые новгородские события.³¹

Конечно, мог. Странно только, что Б. А. Рыбакову, как и другим исследователям, не приходила аналогичная мысль по отношению к новгородскому летописцу. Ведь он тоже мог «обдуманно забыть» некоторые киевские события. И причина для этого у него была совсем серьезная. Как известно, в XI в. на Руси соперничали между собой две концепции ее начальной истории. Согласно первой — центром Руси и собирателем всех восточнославянских земель в едином государстве был Киев, по другой — первенство в этом процессе отводилось Новгороду. Именно такой тенденцией отличается Новгородская 1 летопись.

Но ведь весь объем киевских письменных свидетельств IX—X вв., в том числе и договоры Руси с Византией, неоспоримо указывали на старшинство Киева. Новгородские книжники, разумеется, знали это, однако местный патриотизм подвигал их на отстаивание идеи новгородоцентризма. В киевскую летопись, как считал А. А. Шахматов, они вставили легенду о призвании варяжских князей, а имя Киев в ряде мест заменили именем Новгород.³² Им принадлежит также утверждение, что основатель Киева Кий был простым лодочником — перевозчиком через Днепр и жил не в отдаленные времена, а в IX в. В Киев первые князья пришли из Новгорода.

Учитывая подобную тенденцию новгородских летописцев, вряд ли следует удивляться, если бы оказалось, что они воспользовались киевскими летописными источниками по своему усмотрению. В данном случае для нас особый интерес представляют русско-византийские договоры. Знали ли о них новгородцы и в какой мере отсутствие их текстов в Н1Л, на каком бы киевском своде она ни базировалась, может быть основанием для утверждения, что они были включены в летопись только на этапе составления и редакции ПВЛ?

А. Г. Кузьмин полагает, что договоры Руси с Византией были внесены в киевскую летопись еще позже, в 20-е гг. XII в., так как Н1Л, использовавшая киевскую до 1115 г., их не знает.³³

Знакомство с известиями Н1Л о походах князей Олега и Игоря на Византию приводит к мысли, что для новгородского летописца эти сведения не представляли большого интереса. И вряд ли они буквально списаны с киевской летописи. В Киеве могли не знать точной хронологии походов, но то, что Олег княжил раньше Игоря и что именно он расправился с Аскольдом и Диром, здесь конечно знали. В равной мере это относится и к последовательности походов на греков. Не случайно А. А. Шахматов в своей реконструкции Новгородского летописного свода 1050 г. исправляет Н1Л: сначала помещает рассказ о княжении в Киеве Олега и его походе на Царьград, а уже затем — о княжении Игоря. Правда, неизвестно, на каком основании он полагает, что в Древнейшем киевском своде (1039 г.), которым пользовался новгородский летописец, известий о походе Игоря на греков вообще не было.³⁴

Видимо, при анализе ситуации с первыми походами русских князей на Царьград необходимо основываться не на реконструктивных текстах сводов, а на исторических летописях, в данном случае на Н1Л. За непоследовательностью и сбивчивостью ее рассказов о походах Игоря и Олега можно обнаружить харак-

³¹ Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания, былины, летописи. М., 1963. С. 194—198.

³² Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 297—298.

³³ Кузьмин А. Г. Облик современного норманизма // Сборник Русского исторического общества. М., 2003. № 8 (156). С. 241.

³⁴ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 543—544, 612—613.

терную деталь: новгородский летописец не списывал киевский оригинал, а создавал свой рассказ.

Особенно это относится к походу Олега. Он изложен достаточно подробно, почти так же, как в ПВЛ, но без учета текста договора. В нем содержится фраза, которая явно извлечена из договора: «И заповѣда Олегъ дань дати на 100 корабль, по 12 гривнѣ на человѣкъ, а въ корабль по сороку мужь».³⁵ Разумеется, это извлечение мог сделать уже киевский летописец конца X в., но если это так, тогда приходится сомневаться в истинности утверждения А. А. Шахматова и других исследователей, что русско-византийские договоры стали известны летописцам только во времена Нестора или еще позже.

Д. С. Лихачев, не согласившийся с выводами А. А. Шахматова о существовании Древнейшего киевского свода, также аргументировал позднее включение русско-византийских договоров в летопись тем, что их нет в Новгородской 1 летописи, где отразился Начальный киевский свод.³⁶ Комментируя летописную статью 971 г., рассказывающую о походе на греков Святослава, Д. С. Лихачев высказал мысль, что первоначально в летописи содержалось лишь повествование о его военной кампании, а сообщение о заключении мира и текст договора были внесены в нее составителем ПВЛ.³⁷

Безоговорочно принять этот вывод невозможно. Мешают этому два обстоятельства. Во-первых, вся статья 971 г. — до слов «Равно и другаго свѣшания» — производит впечатление тематически и стилистически единого повествования, а во-вторых, трудно предположить, чтобы летописец не знал (или утаил) факт заключения мира с греками. Вряд ли продуктивно также считать, что договор Святослава с Цимисхием хранился в княжеском архиве вместе с рассказом о ходе переговоров. Отчего тогда не вместе и с повествованием о военном походе?

Совершенно очевидно, что НІЛ не может быть источником для определения времени включения русско-византийских договоров в киевскую летопись. Она не является копией ранних киевских сводов, в лучшем случае — заимствованием из них некоторых сведений. Скорее всего, это оригинальное историческое произведение новгородских летописцев. Фактически это признавал и сам А. А. Шахматов. Согласно ему, новгородский составитель свода XI в. сократил свой киевский оригинал, начиная с княжения Ярослава. В другом месте он распространял этот вывод и на более ранние тексты. Летописец не воспользовался в своем рассказе киевским сообщением о походе Владимира на греков, а также сократил известия о походе Олега на греков.³⁸ Вывод Шахматова о том, что составитель Новгородского свода 1050 г. «действовал не как компилятор, а как исследователь исторических данных и собиратель народных преданий», вообще лишает оснований вывод об адекватном отражении раннего киевского летописания в новгородском своде.

Видимо, действительно причина «забычивости» новгородских летописцев по отношению к некоторым важнейшим событиям ранней киевской истории кроется в их «творческом» восприятии фактов. В XII—XIII вв. они безусловно знали ПВЛ, но тексты русско-византийских договоров в НІЛ так и не появились. Для них они не были интересны, поскольку ничего не добавляли к новгородской истории. К тому же Новгород ни в одном из договоров не назван в числе городов, на которые греки обязывались давать «уклады» или «мѣсячное».

После всего сказанного мысль о том, что эти договоры были отражены уже в Киевском своде 996 г., не должна казаться слишком еретической. Более подхо-

³⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 108.

³⁶ Повесть временных лет. С. 425.

³⁷ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 2. С. 318.

³⁸ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 229—230, 336, 494.

дящего времени для этого во всей древнерусской истории не найти. Русь только недавно стала христианской страной и вошла в византийское содружество народов. В связи с этим несомненно появилась необходимость осмыслить и как бы обобщить исторические события, приведшие молодое восточнославянское государство к такому впечатляющему финалу. Страной, от которой Русь получила новую веру, была Византия, и, наверное, в конце X в. русское общественное мнение не имело более важной темы для обсуждения, чем русско-византийские отношения.

Летописный свод составлялся по заказу и под присмотром Владимира Святославича, и, видимо, он предоставил в распоряжение летописца княжеский архив. Предположить, что это случилось именно теперь, когда летопись пишется чуть ли не на великокняжеском дворе, значительно больше оснований, чем утверждать, что тексты русско-византийских договоров были выданы в конце XI—начале XII в. скромному монаху Печерского монастыря Нестору из княжеской казны.³⁹ Во-первых, трудно предположить, что после бурных событий междоусобной войны сыновей Владимира, когда Киев переходил из рук в руки, к тому же еще и пострадавший от пожара, а также разграбления этой самой казны в 1068 г., в ней мог сохраниться княжеский архив. А во-вторых, даже если он и сохранился, откуда Нестору было знать, что в нем находятся русско-византийские договоры? Если о них не вспомнили его более ранние коллеги, какие у нас основания утверждать, что это пришло в голову Нестору.

Против этого может свидетельствовать и то обстоятельство, что среди приобретений Нестора не оказалось договора, заключенного между Русью и Византией после военного похода на Константинополь Владимира Ярославича. Поход закончился поражением русских, многие из них попали в плен к византийцам. Но как и после предыдущих походов, за ним последовал мир: «По трехъ же лѣтъхъ миру бывшю».⁴⁰ Одним из его условий, видимо, было возвращение на Русь пленников во главе с воеводой Вышатай, но это и все, что летописец сообщил нам об этом мире.

Какой из этого следует вывод? Нестора, как и его современников, далекие события русско-византийских отношений волновали меньше, чем его коллег конца X в., или же княжеская казна не сохранила до его времени текстов этого договора? Если верно второе предположение, тогда придется согласиться с тем, что договоры X в. были внесены в летопись задолго до Нестора.

Дополнительным аргументом в пользу того, что это могло произойти уже в конце X в., является то, что в Киеве после принятия христианства оказалась значительная греческая община. Это, прежде всего, византийская принцесса Анна, ее многочисленное окружение, митрополит и его клир, корсунские попы, среди которых и Анастас Корсунянин, будущий настоятель Десятинной церкви и, возможно, один из составителей летописного свода 996 г. Столь мощный приток на Русь греческих интеллектуалов безусловно не мог не оказать влияния на создание исторического труда, в котором тема русско-византийских отношений должна была быть представлена во всей возможной полноте.

³⁹ Повесть временных лет. С. 339.

⁴⁰ Там же. С. 67.